

**Описание Л. Н. Толстым
элементов физического воспитания
и военной подготовки казаков и горцев:
общее и особенное**

АЛЕКСАНДРОВ Спартак Геннадиевич

*Кандидат педагогических наук, доцент кафедры
гуманитарных дисциплин Краснодарского кооператив-
ного института (филиал) Российского университета
кооперации, г. Краснодар, Россия. Электронная почта:
spartak-2010@mail.ru.*

**Tolstoy's Description
of the Elements of Physical Education
and Military Training of the Cossacks
and the Mountaineers:
General and Special**

Spartak G. ALEXANDROV

*Cand. Sci. (Theory and Technique of Physical Training,
Sports Training and Physical Culture), Assos. Prof.,
Department of Humanities and Physical Education,
Krasnodar Cooperative Institute (Branch), Russian
University of Cooperation,
Krasnodar, Russia
E-mail: spartak-2010@mail.ru*

Аннотация

Л. Н. Толстым на «кавказском материале» написаны произведения: «Набег», «Рубка леса», «Разжалованный», «Казаки», «Кавказский пленник» и «Хаджи-Мурат». В данных произведениях приводятся элементы самобытной физической культуры казачьего субэтноса, описываются внешние данные, физические способности и морально-волевые качества терских казаков и горцев Кавказа, повествуется о профессиональных занятиях жителей казачьих станиц.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, Кавказ, физическое воспитание, военная подготовка, казаки, горы, охота, рыбалка, джигитовка, стрельба.

Abstract

A number of stories were written by Leo Tolstoy after his military service on the Caucasus. He presented the distinctive elements of physical culture of the Cossack subculture, described appearance, physical abilities and moral-volitional qualities of the Terek Cossacks and the mountaineers of the Caucasus and focused on the professional occupations of the inhabitants of the Cossack villages.

Keywords: Caucasus, Leo Tolstoy, physical education, military training, the Cossacks, the mountaineers, hunting, fishing, trick riding, shooting.

Прибыв в мае 1851 г. на Кавказ, Л. Н. Толстой обосновался в терской ст. Старогладовской, где служил его брат, Н. Н. Толстой. Поступив на военную службу в январе 1852 г. вольноопределяющимся в должности фейерверке-

ра артиллерийской батареи, Толстой принимает активное участие в военных походах в горы, проявляя храбрость и личное мужество в боевых столкновениях с противником.

Общение Л. Н. Толстого с казачьим и горским населением Кавказа, офицерами и солдатами, его боевые впечатления оказали большое влияние на реалистичность и глубину очерков и рассказов, повестей и заметок писателя о кавказском военном быте.

На кавказском материале были написаны следующие произведения: «Набег» (1852), «Рубка леса» (1855), «Разжалованный» (1856), «Кзаки» (1852–1862), «Кавказский пленник» (1872) и «Хаджи-Мурат» (1896–1904). Все указанные произведения входят в «золотую коллекцию» творчества великого русского писателя [2].

В произведении Л. Н. Толстого «Кзаки» («Кавказская повесть 1852 г.»), воспроизводятся элементы самобытной физической культуры казачьего субэтноса. В критической статье современника писателя и «знатока кавказской службы» Я. П. Полонского на повесть «Кзаки», указывается: «Ото всей повести веет кавказским духом. Это неподдельный, не подкрашенный, не романтичный Кавказ с романтичными героями. Каждый штрих рисует тамошнюю природу верно» [5]. По мнению П. В. Анненкова, «десятки статей этнографического содержания вряд ли могли бы дать более подробное, отчетливое и яркое изображение одного оригинального уголка нашей земли» [1].

Примечательно климато-географическое описание казачьих станиц: «Вся часть Терской линии, по которой расположены гребенские станицы, ... носит на себе одинаковый характер и по местности и по населению. Терек, отделяющий казаков от горцев, течет мутно и быстро... По правому берегу расположены мирные, но еще беспокойные

аулы; вдоль по левому берегу, на расстоянии семи и восьми верст одна от другой, расположены станицы. От станицы до станицы идет дорога, прорубленная в лесу на пушечный выстрел. По дороге расположены кордоны, в которых стоят казаки; между кордонами, на вышках, находятся часовые. На юг за Терек — Большая Чечня. Новомлинская станица стоит в трех верстах от Терека, отделяясь от него густым лесом. Станица обнесена земляным валом и колючим терновником. Выезжают из станицы и въезжают в нее высокими на столбах воротами с небольшою, крытою камышом крышкой, около которых стоит на деревянном лафете пушка, уродливая, сто лет не стрелявшая, когда-то отбитая казаками. Казак в форме, в пашке и ружье, иногда стоит, иногда не стоит на часах у ворот, иногда делает, иногда не делает фрунт проходящему офицеру» [6, с. 497–499].

Внешний вид казака Толстой иллюстрирует на следующем примере: «На настоящем джигите все всегда широко, оборванно, небрежно; одно оружие богато. Но надето, подпоясано и пригнуто это оборванное платье и оружие одним известным образом, который дается не каждому и который сразу бросается в глаза казаку или горцу» [6, с. 505].

Толстого восхищают внешние данные, физические качества и морально-волевые способности терских казаков: «Щегольство, чистота и изящество в одежде и убранстве хат составляют привычку и необходимость их жизни» [6, с. 498]. «Из станицы едет арба, женщины ходят красивые, женщины молодые» [6, с. 495]. «... казак девке только позволяет гулять, бабу же заставляет с молодости <..> работать для себя и смотрит на женщину с восточным требованием покорности и труда. Вследствие такого взгляда женщина, усиленно развиваясь и физически и нравственно, ...получает, как вообще на Востоке, влияние

и вес в домашнем быту; ... привычка к мужской тяжелой работе дают ей тем больший вес и силу в домашнем быту. Весь дом, все имущество, все хозяйство приобретено ею и держится только ее трудами и заботами. Кроме того, постоянный мужской, тяжелый труд и заботы, переданные ей на руки, дали особенно самостоятельный, мужественный характер гребенской женщине и поразительно развили в ней физическую силу, здравый смысл, решительность и стойкость характера. Женщины большею частью и сильнее, и умнее, и развитее, и красивее казаков. Красота гребенской женщины особенно поразительна соединением самого чистого типа черкесского лица с широким и могучим сложением северной женщины» [б, с. 498].

В «Казаках» Толстой повествует о трудовой деятельности и профессиональных занятиях жителей казачьих станиц: «Средства жизни казаков составляют виноградные и фруктовые сады, бахчи с арбузами и тыквами, рыбная ловля, охота, посевы кукурузы и проса и военная добыча. Казаки на службе: на кордонах и в походе; старики на охоте, рыбной ловле или с бабами на работе в садах и огородах. Только совсем старые, малые и больные остаются дома» [б, с. 499].

Среди станичных детей популярностью пользовались подвижные игры и забавы: «Мальчишки и девчонки играли в лапту, зажигая мяч высоко в ясное небо, и с криком и писком бежали по площади. Девочки-подростки на другом угле площади уже водили хороводы и тоненькими, несмелыми голосами пищали песню» [б, с. 609]. Одной из любимых игр были салки, а также раскручивание обручей и кубарей (конусообразных отрезков дерева, т. н. «волчков», раскручиваемых кнутом. — С. А.): «Мальчишки и девчонки бегают кругом в темноте, догоняя друг друга» [б,

с. 613]; «Визжат казачата, гоняющие кубари на улицах везде, где вышло ровное место» [6, с. 501].

Даже взрослые строевые казаки были не чужды подвижных игр. В рассказе «Разжалованный» Толстой описывает игру офицеров Кавказского корпуса в игру «Городки»: «... лучшие игроки собрались, и мы играли в городки. Я, прапорщик Д. и поручик О. проиграли сряду две партии и к общему удовольствию <...> провезли два раза на своих спинах выигравшую партию от одного кона до другого» [9, с. 298].

В летний период детское население станиц свободное время проводило на естественных и искусственных водоемах: «В пруде около станицы... целый день слышны были в воде всплески и крики девчонок и мальчишек» [6, с. 592]. Конкретизирован и способ «казачьего плавания»: «Он (Лукашка. — С. А.) живо... подпрыгнув, со всплеском вскочил в воду, обмакнулся, и, вразмажку кидая белыми руками и высоко поднимая спину из воды и отдувая поперек течения, стал перебивать Терек к отмели» [6, с. 518].

Значительную часть произведения «Казаки» Л. Н. Толстой посвятил описанию образа станичного охотника дяди Ерошки, «казачьих приемов» охоты на птиц и зверей: «Дядя Ерошка был огромного роста казак... На нем был подоткнутый зипун, на ногах... оленьи *поршни* (обувь из невыделанной кожи, надеваемая только размоченная — прим. Л. Н. Толстого). За спиной он нес чрез одно плечо *кобылку* (орудие для того, чтоб подкрадываться под фазанов — прим. Л. Н. Толстого) и мешок с курочкой и кобчиком для приманки ястреба; на спине за поясом заткнуты были мешочек с пулями, порохом и хлебом, конский хвост, чтоб отмахиваться от комаров, большой кинжал с ножнами... ». У старика-охотника также имелось: «...огромное пистонное ружье, называемое у казаков *флинтой*» [6, с. 506].

Сам охотник в повести о себе рассказывает так: «У кого первый конь, у кого шашка гурда (шашки и кинжалы, дорожке всего ценимые на Кавказе, называются «Гурда» — прим. А. Н. Толстого), к кому выпить пойти, с кем погулять? Всё Ерощка. Потому что я настоящий джигит был» [6, с. 538].

«Я тебе всякого зверя, всяку птицу найду и укажу; и что и где — всё знаю. У меня и собаки есть, и два ружья есть, и сети, и кобылка, и ястреб, — все есть, благодарю Бога. След найду, — уж я его знаю, зверя, и знаю, где ему лечь и куда пить или валяться придет. Лопазик (*«лопазик» называется место для сиденья на столбах или деревьях* — прим. А. Н. Толстого) сделаю и сижую ночь, караулю» [6, с. 539].

В произведении имеются свидетельства об использованных специальных приспособлений — «криг», применяемых казаками для рыбной ловли (*«кригой» называется место у берега, огороженное плетнем для ловли рыбы* — прим. А. Н. Толстого) [6, с. 522]. Прототипом дяди Ерощки послужил гребенской казак Епишка Сехин, на квартире которого проживал брат писателя Н. Н. Толстой. Этот «старик ермоловских времен, казак, плут и шутник» делился с А. Н. Толстым приемами охоты и следопытства, маскировки, видами оружия, традициями куначества на Кавказе, особенностями ведения боевых операций [10].

Описаны в «Казаках» и календарно-обрядовые праздники станичного населения, молодежные сюжетные игры и забавы, хороводы. «На другой день был праздник. Казачки еще не начинали водить хороводы, а, собравшись кружками, в яркоцветных бешметах и белых платках... звонко болтали и смеялись; молодые ребята <...> по двое, по трое, взявшись рука с рукой, ходили от одного кружка баб и девок к другому и, останавливаясь, шутили и заигрывали с казачками» [6, с. 609]. По воспоминаниям деда

Ерошки: «Придут, бывало, казаки али верхом сядут, скажут: пойдём хороводы разбивать, и поедут, а девки дубье возьмут. На масленице, бывало, как разлетится какой молодец, а они бьют, лошадь бьют, его бьют. Прорвет стену, подхватит какую любит и увезет. Матушка, душенька, уж как хочет любит. Да и девки ж были! королевны!» [6, с. 612].

В повести «Казак», Толстой создаёт образ молодого и бесшабашного казака-удальца Лукашки: «Лукашка прозван *Урваном* за молодечество, за то, что казачонка вытащил из воды, *«урвал»*. Лукашка <...> был высокий, красивый малый лет двадцати. Лицо и всё сложение его, несмотря на угловатость молодости, выражали большую физическую и нравственную силу. Несмотря на то, что он недавно был *сбран* в строевые, по широкому выражению его лица и спокойной уверенности позы видно было, что он уже успел принять свойственную казакам и вообще людям, постоянно носящим оружие, воинственную и несколько гордую осанку, что он казак и знает себе цену не ниже настоящей. <...> взглянув сразу на его статное сложение и чернобровое умное лицо, всякий невольно сказал бы: «Молодец малый!» [6, с. 502–505].

Там же описан прием стрельбы на звук или на «хруст», как называли его кубанские пластуны: «Одна большая черная карча (суковатый пень, ветвистый обломок дерева с кореньями, смытый в реку. — С. А.) особенно обратила его внимание. Карча подплыла к мели, остановилась и странно зашевелилась. Лукашке замерещилось, что показалась рука из-под карчи; он, схватился за ружье, неторопливо, но быстро расставил подсошки, положил на них ружье, неслышно, придержав, взвел курок и, притаив дыхание, стал целиться. <...> ему мелькнула татарская голова впереди карчи. «Он и есть, абрек», — подумал он радостно и, вдруг порыви-

сто вскочив на колени, снова повел ружьем, высмотрел цель, которая чуть виднелась на конце длинной винтовки, <..> пожал шишечку спуска. Резкий, отрывистый звук выстрела разнесся по реке» [6, с. 514–515].

В произведении дана оценка боевых качеств горцев. Как рассказывал главному герою повести Оленину дед Ерошка: «Эх, ловко с подсошек стреляют чеченцы!» [6, с. 630].

Боевое столкновение с горцами и участие в нем Лукашки, Толстой в «Казаках» описал так: «Объезд, посланный для розыска абреков, застал несколько горцев верст за восемь от станицы, в бурунах. Урядник, бывший в объезде с двумя казаками, прислал одного в станицу звать других на помощь. Казаки ехали большею частию молча. Оружие на казаке всегда прилажено так, чтоб оно не звенело и не брэнчало. Брэнчащее оружие — величайший срам для казака» [6, с. 622–623]. « — Надо арбу взять с сеном, — сказал Лука, — а то перебьют. Воз сена был привезен, и казаки, укрываясь им, принялись выдвигать на себе сено. Воз сена двигался; казаки жались за ним. Казаки подходили всё ближе и ближе <..> Выстрел раздавался за выстрелом, и пулька за пулькой шлепала по возу. Казаки не стреляли и были не дальше пяти шагов. Прошло еще мгновенье, и казаки с гиком выскочили с обеих сторон воза» [6, с. 626–627].

Особенности несения казаками караульно-пограничной службы Толстой в повести описал так: «Несмотря на то, что казаки каждый час ожидали переправы и нападения *абреков*..., — на кордоне не соблюдалось особенной осторожности. Казаки, как дома, без оседланных лошадей, без оружия, занимались кто рыбною ловлей, кто пьянством, кто охотой. Только лошадь дежурного оседланная ходила в треноге по тернам около леса, и только часовой казак был в черкеске, ружье и шашке» [6, с. 504]. « <..>

трое казаков с кордона, в бурках и с ружьями за плечами, пошли вдоль по Тереку на место, назначенное для секрета. Пройдя молча несколько шагов, казаки свернули с канавы и по чуть заметной тропинке в камышах подошли к Тереку» [6, с. 511]. «Подходя к месту секрета, он (Лукашка. — С. А.) снова приостановился и слегка свистнул. Свисток откликнулся, и он подошел к товарищам» [6, с. 516].

В «Казаках» дед Ерошка рассуждает о возможных ошибках наступательного боя и способах их исправления: «Смотрю я, бывало, на солдат на ваших, дивлюся <..> глупость! Идут, сердечные, все в куче, да еще красные воротники нашьют. Тут как не попасть! Убьют одного, упадет, поволокут сердечного, другой пойдет. Что бы в стороны разойтись, да по одному. Так и иди. Ведь он тебя не уцелит. Так-то ты делай» [6, с. 631].

Образ казака всегда ассоциируется с конем. У казаков при выборе строевой лошади важная роль отводилась её внешним данным, состоянию здоровья, физическим способностям: «Лукашка <..> верхом заехал к Оленину. Он еще более смотрел молодцом, чем обыкновенно. — Вот коня вашего променял за рекой! Уж и конь! Кабардинский лов-тавро (Тавро (клеймо) завода кабардинских лошадей Лова считается одним из лучших на Кавказе — прим. А. Н. Толстого). Они осмотрели нового коня, проджигитовали по двору. Конь действительно был необыкновенно хорош: гнедой, широкий и длинный мерин с глянцевиною шерстью, пушистым хвостом и нежною, тонкою, породистою гривой и холкой. Он был сыт так, что на спине его *только спать ложись*, как выразился Лукашка. Копыта, глаз, оскал — все это было изящно и резко выражено, как бывает только у лошадей самой чистой крови. Оленин не мог не любоваться конем. Он еще не встречал на Кавказе такого красавца» [6, с. 585].

Эмоционально и образно в «Казаках» описаны предпосылки проникновения культуры горцев Кавказа в военную субкультуру казачьего населения: «На <..> плодородной, лесистой и богатой растительностью полосе живет с незапамятных времен воинственное, красивое и богатое староверческое русское население, называемое гребенскими казаками. Очень давно предки их, старове-ры, бежали из России и поселились за Терекком, между чеченцами на Гребне, первом хребте лесистых гор Большой Чечни. Живя между чеченцами, казаки перероднились с ними и усвоили себе обычаи, образ жизни и нравы горцев; но удержали и там во всей прежней чистоте русский язык и старую веру. Еще до сих пор казацкие роды считаются родством с чеченскими, и любовь к свободе, праздности и войне составляет главные черты их характера» [6, с. 497].

Казаки подражали горцам в выборе вида военного костюма, особенностях его покроя и ношения: «Широкая черкеска была кое-где порвана, шапка была заломлена назад по-чеченски, ноговицы спущены ниже колен. Одежда его была небогатая, но она сидела на нем с тою особою казацкою щеголеватостью, которая состоит в подражании чеченским джигитам» [6, с. 505]. Толстой подмечает, что у терских казаков щегольство в одежде «состоит в подражании черкесу. Лучшее оружие добывается от горца, лучшие лошади покупаются и крадутся у них же. Молодец казак щеголяет знанием татарского языка и, разгулявшись, даже с своим братом говорит по-татарски» [6, с. 497]. Женщины-казачки «носят одежду черкесскую: татарскую рубашу, бешмет и чу-вяки; но платки завязывают по-русски» [6, с. 498].

В «Кавказских рассказах» Толстого описывается феномен куначества, примеры крепкой дружбы между казаками и горцами. По словам Ерошки, у него «вся Чечня кунаки

были. Приедет ко мне какой кунак, водкой пьяного напою, ублажу, а к нему поеду, подарок, *нешкеш*, свезу» [6, с. 545].

Традиции куначества Толстой иллюстрирует примерами приглашения горцев на казачьи праздники в станицу: «Два краснобородые босые чеченца, пришедшие из-за Терека полюбоваться на праздник, сидели на корточках у дома своего знакомца и, небрежно покуривая из маленьких трубочек и поплеывая, перекидывались, глядя на народ, быстрыми гортанными звуками» [6, с. 610].

Ерошка рассказывает Оленину: «...меня, мало по станицам, — в горах-то знали. Кунаки-князя приезжали. Я, бывало, со всеми кунак: татарин — татарин, армяшка — армяшка, солдат — солдат, офицер — офицер» [6, с. 538].

Молодой казак Лукашка в разговорах с горцами очень гордился дружбой с мирным чеченцем: « — В Суюк-су Гирей-хана знаешь? — Кунак мне» [6, с. 564]. «Меня так-то за рекой Гирей-хан привел в саклю, говорит: выбирай любое (оружие. — С. А.). Вот я эту шашку и взял. Такой у нас закон» [6, с. 585].

В своих произведениях Толстой правдиво изобразил реалии войны. Понимая историческую неизбежность и необходимость присоединения Кавказа к России, писатель относился с уважением к горским народам, к их обычаям и образу жизни, надеясь, что непримиримая вражда сменится взаимоуважением и сотрудничеством.

Служба на Кавказе позволила писателю сделать глубокий и обоснованный вывод о «духе русского солдата», приведенный в заключительной главе «Рубки леса»: «Дух русского солдата не основан так, как храбрость южных народов, на скоро воспламеняемом и остывающем энтузиазме: его так же трудно разжечь, как и заставить упасть духом. Для него не нужны эффекты, речи, воинственные крики, песни и барабаны: для него нужны, напротив, спокойствие,

порядок и отсутствие всего натянутого. В русском, настоящем русском солдате никогда не заметите хвастовства, ухарства, желанья отуманиться, разгорячиться во время опасности: напротив, скромность, простота и способность видеть в опасности совсем другое, чем опасность, составляют отличительные черты его характера» [8, т. 3. с. 70–71].

В повести «Хаджи-Мурат», Толстой подробно описывает традиции кавказского этикета, одежду, оружие, «горский характер». Рассматривает автор повести и приемы ведения горцами вооруженной схватки, возведения ими полевых фортификационных сооружений, т. н. «завалов»: «Поняв, что окружён, Хаджи-Мурат высмотрел в середине кустов старую канаву и решил засесть в ней и отбиваться, пока будут заряды и силы. Он... велел делать завал на канаве. И нукеры тотчас же взялись рубить ветки, кинжалами копать землю, делать насыпь» [7, с. 388].

В основе рассказа «Набег» реальное событие, захват аула горцев, участником которого летом 1851 г. стал писатель. Толстой описал заимствование офицерами, служившими на Кавказе, элементов традиционной горской одежды: «... на большом белом коне, с конными татарами, ехал... высокий и красивый офицер в азиатской одежде. На нем был черный бешмет с галунами, такие же ноговицы, новые, плотно обтягивающие ногу чувяки, желтая черкеска и высокая, заломленная назад папаха; пистолет и кинжал в серебряной оправе висели на поясе. Сверх всего этого <...> шапка в красных сафьяновых ножнах и надета через плечо винтовка в черном чехле. По его одежде, посадке, манере держаться и вообще по всем движениям заметно было, что он старается быть похожим на татарина. Это был один из наших молодых офицеров, удальцов-джигов, образовавшихся... по Лермонтову» [7, с. 50].

Часто Толстой называет кавказских горцев татарами, как было принято в середине XIX в. называть народности, говорящие на тюркских диалектах.

Данный рассказ содержит примеры ведения боевых действий горцами, в частности, подачу сигналов о приближении неприятеля: «Изредка на фоне гор вспыхивали в различных местах яркие огни...

— Скажите, что это за огни? — спросил я шепотом у татарина, ехавшего подле меня.

— Это горской солома на таяк связал и огонь махать будет (*таяк — значит шест, на кавказском наречии — прим. Л. Н. Толстого*).

— Зачем же это?

— Чтобы всякий человек знал — русский пришел. — Теперь в аулах, — прибавил он, засмеявшись, — ай-ай, томаша идет.. (томаша значит хлопоты, на особенном наречии, изобретенном русскими и татарами для разговора между собой — прим. Л. Н. Толстого)» [7, с. 58].

Схожие приемы оповещения о приближении отрядов немирных абреков с успехом применялись кубанскими пластунами на кордонах — компактных сторожевых пограничных заставах казаков: «Для передачи сигнала тревоги служили так называемые фигуры, представлявшие несколько установленных одна на другую осмоленных бочек без дна, внутри которых находилась сухая трава. Возле фигуры несли постоянную дозорную службу два-три казака. В случае опасности такую фигуру немедленно поджигали, и черный смоляной дым сообщал сигнал тревоги... Порой, вместо фигур казаки использовали обычный костер, стараясь разместить его повыше, добавляя сырое топливо для большего дыма» [4, с. 29].

Таким образом, повести и рассказы Л. Н. Толстого «кавказского цикла», помимо их художественных досто-

инств, являются ценным этнографическим источником для изучения жизни и быта народов Кавказа.

Использованная литература:

1. Анненков П. В. На повесть «Казачи» // Петербургские ведомости. 1863. № 144. С. 7.
2. Виноградов Б. С. Кавказ в творчестве Л. Н. Толстого. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1959.
3. Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой: материалы к биографии, 1828–1855 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
4. Орлов П. П. Сборник рассказов и статей. Екатеринодар, 1911.
5. Полонский Я. П. По поводу последней повести гр. Л. Н. Толстого // Время. 1863. № 3. С. 91–96.
6. Толстой Л. Н. Избранные произведения. М.: Детская литература, 1985.
7. Толстой Л. Н. Кавказские рассказы и повести. Воронеж: Центрально-Черноземное кн. изд-во, 1978.
8. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1928–1964.
9. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22-х т. М.: Художественная литература, 1979. Т. 2: Повести и рассказы 1852 г.
10. Толстой Н. Н. Охота на Кавказе / под ред. М. О. Гершензона. М.: Изд-во Сабашниковых, 1922. С. 11–12.